

Лун Юйлинь был на грани безумия, но Бай Хунци оказался ещё безумнее. Его разум и без того был не в порядке. Бай Хунци не сопротивлялся, не рвался и не кусался, а просто лежал безжизненно на ковре. Даже если бы внезапно ударил гром, это вызвало бы лишь едва заметную рябь в его мёртвом спокойствии. Он понимал, что после смерти ничего не заберёт с собой — ни имущество, ни даже собственное тело. После того как у него появилась мысль о суициде из-за любви, он перестал заботиться о чём-либо. Более того, он не верил, что Лун Юйлинь способен на что-то серьёзное.

В комнате было необычно темно. Внезапно за окном поднялся ураган, а затем грянул оглушительный гром. Под его аккомпанемент хлынул ливень. В комнате свет то вспыхивал, то гас, отбрасывая причудливые тени, а потоки воды, стекая по стёклам, оставляли за собой извилистые следы.

Гром заставил Бай Хунци вздрогнуть. В ушах зазвучали отдалённые выстрелы. Закрыв глаза, он почувствовал, как теряет контроль над разумом и чувствами. Он словно понимал, что задумал Лун Юйлинь. Он думал, что Лун Юйлинь — его родной брат. Отдать ему своё сердце было невозможно, но позволить ему утолить свою похоть — не такая уж большая проблема. В конце концов, этим не воспользуется чужой, и небесам не стоит из-за этого волноваться.

Бай Хунци оставался таким же безмолвным, как и комната вокруг, но Лун Юйлинь бушевал сильнее, чем гроза за окном.

Лун Юйлинь тяжело дышал, его поры раскрылись, и липкий пот мгновенно покрыл всё тело. Внутри он был охвачен страхом, но действия его были смелыми и решительными. Он словно перестал быть собой. Он смотрел на Бай Хунци с безумным вожделением, едва сдерживая желание проглотить его целиком.

Он грубо сорвал с Бай Хунци очки в золотой оправе и отшвырнул их. Его ноги сжали тело Бай Хунци, мышцы бёдер напряглись до предела.

Ветер, несущий с собой влагу дождя, ворвался в комнату, но жар в теле Лун Юйлиня не утихал. Он наклонился, покрытый холодным потом, и в тусклом свете настольной лампы разглядел мертвенно-бледное лицо Бай Хунци. Он провёл ладонью по его лбу, затем погладил мягкую и холодную кожу щеки.

Живот и пах дрожали, словно он парил в облаках. Его тело обмякло, тяжело придавив Бай Хунци. Он в смятении поцеловал его губы, но вскоре поцелуй превратился в страстные укусы.

Бай Хунци не двигался, позволяя Лун Юйлиню делать с ним всё что угодно. Его сознание было туманным. В голове всплывали воспоминания о том, как Бай Лисянь всегда был строг с ним. С детства он привык быть упрямым, стремясь к совершенству во всём. Единственное, что он не мог изменить, — это своё низкое происхождение. Он превратил себя в безупречного бога.

С тех пор как он решил быть с Ань Вэймином, он пал с небес на землю, испытал множество страданий. Теперь он окончательно опустил руки. Он знал, что ни один бог не был безумцем, и

ему пришлось признать: он сам — сумасшедший, законченный псих.

Лун Юйлинь раздел Бай Хунци почти догола. Среди шума ливня он прошептал едва слышным, сбивчивым шёпотом, предназначенным только для Бай Хунци:

— Аци, мерзавец... моё сокровище!

Услышав это, Бай Хунци наконец отреагировал. Он открыл глаза, увидел лицо Лун Юйлиня, и сознание постепенно прояснилось. Он широко раскрыл глаза в ужасе:

— Юйлинь!

Лун Юйлинь, услышав его крик, пришёл в ещё большее возбуждение, его дух взметнулся вместе с ураганом за окном. Бай Хунци попытался вырваться. Лун Юйлинь с силой опрокинул его на ковёр. Спешно стянув с себя брюки, он уже готов был удовлетворить свои желания, но на губах его всё ещё звучала робкая мольба:

— Аци... прошу тебя...

Бай Хунци, которого гром вывел из оцепенения, постепенно привык к шуму и вернул себе рассудок. С гневом отвернувшись, он крикнул:

— Отпусти!

Лун Юйлинь покрывал мелкими поцелуями его лопатки, горячее дыхание обжигало шею Бай Хунци. Его руки и ноги боролись с Бай Хунци, крепко удерживая того. Возбуждение и азарт заменили прежний всепоглощающий страх и дрожь, но, дойдя до решающего момента, он потерял нить, действуя беспорядочно и грубо.

Цзинь Луаньдянь разбудила буря. Некоторое время он лежал в полусне, затем ощупал пространство рядом с собой — Лун Юйлиня не было. Он сел, осмотрелся, подошёл и закрыл неплотно притворённое окно. В комнате стало гораздо тише. Его заинтересовало, куда же пропал старший брат.

Цзинь Луаньдянь встал, выпил воды и направился в туалет. Проходя мимо комнаты Бай Хунци, он слышал странные, неясные звуки. Он постучал в дверь костяшками пальцев и осторожно позвал:

— Третий брат, ты там? Третий брат?

Двое в комнате были слишком заняты — один пытался вырваться, другой не отпускал, — чтобы ответить на его вопрос. Лун Юйлинь, перевозбуждённый, так и не сумев должным образом войти, уже всё завершил. Запыхавшись, он обнял Бай Хунци сзади, вдыхая запах его кожи, и почувствовал невероятное чувство вины, стыда и смущения.

Бай Хунци же считал, что оба они вели себя нелепо и безумно. Ему было стыдно говорить.

Молча он натянул брюки и запахнул полы пижамы.

— Третий брат?

Голос Цзинь Луаньдяня снова раздался снаружи, а грохот грозы за окном начал стихать. Лун Юйлинь словно очнулся ото сна. Он схватил свою одежду и в панике начал натягивать её на себя. Он совершил ошибку. Эта попытка не принесла результата, зато заставила его осознать, что он — настоящий круглый дурак.

Он не осмеливался больше говорить с Бай Хунци, лишь робко взглянул на того. Бай Хунци подошёл к двери и приоткрыл её, спросив Цзинь Луаньдяня:

— Что случилось? Тебя разбудили?

Цзинь Луаньдянь ответил:

— Снаружи ливень. Я встал в туалет и услышал шум в твоей комнате. Старший брат там?

Бай Хунци открыл дверь шире, и Лун Юйлинь предстал за его спиной. Его голос был хриплым:

— Да.

Цзинь Луаньдянь сказал:

— На улице уже почти рассвело.

Лун Юйлинь, с пересохшим горлом, обратился к Бай Хунци:

— Аци, я...

Он замолчал на мгновение.

— Я ухожу. Мне нужно рано быть на вокзале.

Бай Хунци слегка кивнул. Лун Юйлинь, подталкивая Цзинь Луаньдяня перед собой, вернулся в их комнату, запер дверь на ключ, залпом выпил оставшуюся в стакане на столе воду и прошёлся по комнате несколько раз, чтобы окончательно успокоиться.

Цзинь Луаньдянь удивился:

— Старший брат, что с тобой? Что ты делал в комнате третьего брата посреди ночи?

Лун Юйлинь неестественно улыбнулся:

— Помогал ему собирать вещи. Ты ещё хочешь спать? Если хочешь — спи. Скоро рассвет, мне

пора.

Цзинь Луаньдянь спросил:

— Так срочно? Не отдохнёшь немного?

— Нет, — ответил Лун Юйлинь, доставая из кучи грязной одежды пачку банкнот. Он отсчитал пять тысяч и протянул их Цзинь Луаньдяню. — Возьми эти деньги. Одежда третьего брата тебе не подойдёт по размеру, сходи в ателье и закажи себе пару костюмов. И обувь с носками тоже. Оставшихся денег хватит вам двоим на неделю-полторы. Я скоро вернусь. Третий брат любит тишину, не беспокой его. Он не любит выходить из дома, так что насчёт еды и всего прочего решай сам. Позаботься о себе, а обо всём остальном подумаем, когда я вернусь.

Цзинь Луаньдянь взял деньги и положил их в ящик. Неохотно глядя на брата, он сказал:

— Старший брат, возвращайся поскорее. И если они будут к тебе придирааться, не лезь на рожон.

Лун Юйлинь погладил его по голове и улыбнулся:

— Хорошо, я понял. Мне пора.

Спустившись вниз, он закурил сигарету. Дым растворился в сыром воздухе, а его тело всё ещё было липким от пота. Он использовал необходимость уйти как предлог для поспешного бегства.

Рассвет наступал быстро, и вскоре всё вокруг озарилось светом. Всё было влажным и свежим. Цзинь Луаньдянь, получив свободу, немного денег и свободного времени, чувствовал себя легко и свежо.

Спустившись вниз, он позавтракал, что приготовила служанка, и сказал:

— Третий брат ещё спит. Когда он проснётся, передай, пожалуйста, что я ушёл по делам и, возможно, вернусь поздно, чтобы он не волновался.

Служанка, сложив руки перед животом, вежливо ответила:

— Хорошо, господин.

Цзинь Луаньдянь, одетый в слишком широкую рубашку и брюки, подвернутые на щиколотках, в кожаных туфлях на босу ногу, выпрыгнул за дверь.

Служанка посмотрела на его удаляющуюся спину, затем взглянула вверх. По сравнению с ним господин Бай казался старым, сухим деревом, глубоко укоренившимся в доме, без капли живой энергии. Если не считать случаев, когда Бай Хунци забывал оплатить счета за уголь,

электричество, воду или её зарплату, она не испытывала желания с ним общаться. Поэтому она написала записку и положила её на обеденный стол вместе со свёрнутой газетой.

<http://bllate.org/book/15577/1386854>